

Утверждение о том, что космополитизм есть нереалистичная идеология, я переворачиваю с ног на голову и заявляю, что защитники национального — вот кто истинные идеалисты. Они воспринимают реальность сквозь устаревшую национальную призму, которая не позволяет увидеть глубокие изменения в существующей реальности. Это превращает их теорию в устаревшую со свойственными ей заблуждениями. Если суммировать сказанное в одном тезисе, то в мировом обществе риска национализм становится врагом нации. Следовательно, космополитизация — это перспектива для научных исследований, политическая реальность и нормативная теория. Она также является критической теорией нашего времени, так как бросает вызов наиболее фундаментальным для нас истинам — прежде всего национальной истине.

Перевод с английского В.В. Сутырина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. L.; N.Y., 1983.
2. *Beck U.* Cosmopolitanism as Imagined Communities of Global Risk // “Imagined Communities” in the 21st Century. Special issue of the American Behavioral Scientist / Ed. by E.A. Tiryakian. 2011. N 55(10). P. 1346–1361.
3. *Beck U.* Power in the Global Age: A New Global Political Economy. Cambridge, 2005.
4. *Beck U.* Remapping Social Inequalities in an Age of Climate Change: For a Cosmopolitan Renewal of Sociology // Global Networks. 2010. N 10(2). P. 165–181.
5. *Beck U.* The Cosmopolitan Vision. Cambridge, 2006.
6. *Beck U., Grande E.* Cosmopolitan Europe. Cambridge, 2007.
7. *Beck U., Grande E.* Varieties of Second Modernity: The Cosmopolitan Turn in Social and Political Theory and Research // British Journal of Sociology. 2010. N 61(3). P. 409–443.
8. *Cheah P.* Inhuman Conditions: On Cosmopolitanism and Human Rights. Cambridge, 2006.
9. *Delanty G.* The Cosmopolitan Imagination: The Renewal of Critical Social Theory. Cambridge, 2009.
10. *Holzinger M., May S., Pohler W.* Weltrisikogesellschaft als Ausnahmezustand. Weilerswist, 2010.
11. *Levy D., Sznajder N.* Human Rights and Memory. University Park, 2010.
12. *Oreskes N.* The Scientific Consensus on Climate Change // Science. 2004. N 306 (5702). P. 1686.
13. *Rawls J.* A Theory of Justice. Cambridge, 1971.
14. *Rawls J.* The Law of Peoples: with “The Idea of Public Reason Revisited”. Cambridge, 1999.
15. *Sassen S.* Cities are at the Center of Our Environmental Future // SAPIENS. 2010. N 2 (3). P. 1–8.
16. *Sassen S.* The Global City: New York, London, Tokyo. Princeton, 2001.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Н.М. Ракитянский

ОПЫТ КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА ИСЛАМСКОГО МЕНТАЛИТЕТА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ¹

В статье осуществлена попытка концептуального анализа феномена исламского менталитета в контексте догматического принципа и принципа субъектности. Сформулированы базовые проблемы, основания и возможности политического взаимодействия с исламом.

Ключевые слова: ислам, религия, монотеизм, вера, менталитет, мировоззрение, сверхсознание, субъектность, бессубъектность, экспансия.

Догмат есть утвержденность вечных истин, противостоящих всякому вещественному, временному и историческому протеканию явлений.

А.Ф. Лосев

По меркам исторического времени Европа еще совсем недавно была на грани завоевания ее сарацинами². Христиане успели забыть о том, что северная Африка и Сирия когда-то были христианскими. Во время первого большого наступления арабов с 632 по 732 г. они потеряли свою независимость и были исламизированы. В свое время передовые отряды мусульман стояли в 200 км от Парижа и вблизи от Женевы. К 714 г. армии мусульман захватили весь Пиренейский полуостров, за исключением горных районов северной Испании.

В 1453 г. пал Константинополь, в 1460 г. была завоевана Греция, в 1540 г. — северная Венгрия. В 1456 г. турки осадили Белград. Город удалось отстоять, однако 28 августа 1521 г. он все же был захвачен. В 1529 г. и еще раз в 1683 г. подвергалась длительной осаде Вена. В 1625–1633 гг. взяты под контроль морские порты северной Европы. XVII в. был временем противостояния Османской империи и Речи Посполитой. Шестьсот лет продолжалась война между исламом и христианством на Балканах. Лишь незадолго до Первой мировой войны балканские народы смогли сбросить с себя турецкое иго³.

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант № 12-03-00354.

² Сарацинами (греч. Σαρακηνός — «восточные люди») европейские авторы называли всех мусульман, часто используя в качестве синонима термин «мавры».

³ Абд-Эль Мауни. Аллах в исламе. Корнталь-Мюнхинген, 1983.

Ранние мусульмане уверенно ощущали себя носителями духовной миссии. Они полагали, что Бог говорил с ними через своего Пророка на арабском языке и считали себя проводниками истинной религии и языка самого Бога. Множество мусульман погибло, участвуя в «священных войнах», чтобы распространить дело Аллаха на весь мир. Ислам и сейчас отличается глубокой религиозностью своих последователей. Это — религия поклонения, оправдания делами и самопожертвования.

Успех мусульманских завоеваний был результатом уникального стечения обстоятельств и проповеди простой и новой монотеистической веры. В ней имеются Пророк, Святое Писание, установленная форма молитв и обрядов, предписанные законы семьи, правила поведения и питания. С самого начала ислам претендовал лишь на то, чтобы усовершенствовать, а не уничтожить старые монотеистические религии. Стремительная военная экспансия мусульман осуществлялась в условиях крайней неустойчивости, дискретности и политической инфантильности послеримского мира, который они завоевывали благодаря самоотверженной вере в Аллаха, мужеству воинов-бедуинов, их вдохновенности и жертвенности⁴.

Сейчас, в начале XXI в. ни об одной другой религии не говорят и не пишут так много, как об исламе. И дело не в том, что число мусульман в мире растет быстрее, чем число приверженцев других религий, а в беспрецедентной политической активности мусульманского сообщества. По мнению Г.И. Мирского, ислам — самая сильная и жизнеспособная религия современности. Ни в одной другой религии нет такого большого числа верующих, страстно, самозабвенно и жертвенно преданных своей вере. Ислам ощущается ими как основа жизни и мерило всех вещей. Он привлекает все больше сторонников.

В истории и культуре ислама арабы всегда занимали центральное положение. Однако демографически они довольно рано потеряли первенство. В настоящее время арабы составляют менее пятой части мусульман (15–17% из 1,3 млрд человек). Наибольшее их количество проживает в Южной Азии — свыше 400 млн, или более 30% (в Пакистане, Индии, Бангладеш)⁵. Ныне умма⁶ — это около 40 стран с

⁴ См.: Кеннеди Х. Великие арабские завоевания. URL: // <http://lib.rus.ec/b/222837>

⁵ Белокреницкий В.Я. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 89–103.

⁶ В исламе слово *умма* обозначает сообщество верующих (*уммат аль-му'минин*), то есть весь исламский мир, вне зависимости от стран, границ национальностей. Фраза *умма вахида* («одно сообщество») в Священном Коране обозначает объединенный исламский мир. С другой стороны, в арабском языке слово *умма* также может использоваться в западном значении *нации*, например *аль-умам аль-муттахида*.

мусульманским большинством, еще приблизительно 25 стран, где мусульмане составляют компактное меньшинство, это несколько сот влиятельных международных и региональных движений, мусульманские общины практически во всех странах мира.

Простота и доступность устоев этой религии, отсутствие сложных метафизических конструкций, способность дать целостную и понятную картину мира и общества — все это привлекает к исламу новые массы людей. «Цивилизация бедных», «примитивная религия», «самая воинственная религия», «религия нетерпимости и фанатизма», «религия пустыни», «религия бесконечного умаления человека» — как только не называли ислам, но эти ярлыки не объясняют сути мусульманского вероисповедания⁷.

Издравле религия в наибольшей степени отражает духовную близость или различие групп населения, общностей, регионов и стран, поскольку в ней отражены основные ментальные, культурные и цивилизационные особенности тех или иных этносов, национальностей и конкретных людей. «Действительно, — писал А.Ф. Лосев, — в религии мы находим какое-то особое, специфическое самоутверждение личности. Это какое-то *принципиальное самоутверждение, утверждение себя в своей последней основе, в своих исконных бытийственных корнях*. Мы не ошибемся, если скажем, что религия есть всегда то или иное *самоутверждение личности в вечности*. <...> Религия есть *осуществленность мировоззрения, вещественная субстанциональность морали, реальная утвержденность чувства*, причем эта осуществленность — всяческая, и прежде всего чисто телесная, субстанциональность — всяческая и прежде всего ощутимо физиологическая»⁸.

Проблема субъекта⁹ в исламе

Между языческой чувственностью (мед) и христианской духовностью (вино) Ислам, в самом деле, есть здоровое и трезвое молоко: своими общедоступными догматами и удобоисполнимыми заповедями он питает народы, призванные к историческому действию, но еще не доросшие до высших идеалов человечества.

В.С. Соловьев

⁷ См.: Мирский Г.И. Ислам: история и современность. 2010. URL: // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf

⁸ Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М., 2008. С. 134, 135.

⁹ Субъект — носитель активности, осуществляющий изменение в других людях и в себе самом, как в другом. Субъектность человека проявляется в его витальности, деятельности, общении, самосознании.

Ислам является одной из трех монотеистических религий, которые имеют догматический¹⁰ характер¹¹, утверждают вечные истины и исповедуют¹² единого трансцендентного Бога. Но во взглядах на отношения людей с духовной сферой между этими вероисповеданиями имеются кардинальные расхождения, которые в свою очередь являются основанием для формирования существенных ментальных отличий больших масс людей.

Так, исторически первая монотеистическая религия — иудаизм, в основе которого лежит постулат о том, что человек был создан по образу и подобию божьему, и это определяет безусловное первенство человека в мире и его могущество среди всего сотворенного. Все откровения Бога в Ветхом Завете носят *личный* характер. При этом иудаизм исповедует *совокупную личность* — личность Израиля, которая как *целостный субъект* — народ Израилев — предстоит перед абсолютным Богом. Вместе с тем Бог в иудаизме, по определению, не имеет тела или образа, и не может быть представлен в какой-либо форме или конкретной личности. И хотя Моисей (XIII век до н.э.), по преданию, видел Бога, сущность его остается недоступной для человеческого видения. Тем не менее *личность* Бога воплощается в едином избранном народе, что еще больше подчеркивает значение особого *личностного* начала в иудаизме. Этот догмат и обуславливает необыкновенную *адаптивность, устойчивость, преемственность* и национально-корпоративную *целостность* евреев как в пространственном, так и в исторически-временном аспекте.

Стратегии мышления и поведенческие особенности евреев определяются сущностью религиозного догмата иудаизма, который они выражают, независимо от места и времени. Собственно поэтому иудаизм, последователи которого долгое время даже не имели своего государства, всегда являлся не только уникальным *суперсубъектом* политики, но мощным геополитическим центром влияния.

Христианство исповедует *вочеловеченного* Бога, явленного в *личности* Христа. Этот открывающий себя человеку Бог является творцом окружающего мира. Он един, абсолютен и трансцендентен, т.е. он пребывает вне мира, и несводим ни к каким вещам. В истории человечества этот догмат предстал началом и основанием качественно нового — индивидуального, креативного, *субъектного*

¹⁰ Догмат, догма — учение, мнение, общее убеждение, постановление, утверждение, принимаемое на веру за неопровержимую истину и признаваемое бесспорным без доказательства.

¹¹ *Ракитянский Н.М.* Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2011. № 6. С. 90–103.

¹² Исповедание — безусловное признание и соблюдение установлений, догматов, аксиом, постулатов и принципов, следование им в повседневной жизни и практической деятельности.

мышления, которое стало утверждаться с IV в. в связи победой христианства в Imperium Romanum.

Исповедуя такого Бога как самую суть веры, христианин не признает свою изначальную обусловленность естественным порядком вещей, что является необходимым следствием догмата о трансцендентности Бога и креативного догмата. Согласно христианскому учению, этот абсолютно трансцендентный Бог стал человеком. Значит, не какая-то природная энергия, космическая эманация, сила или мысль осенила человека, но абсолютный и трансцендентный Бог, стоящий вне природы, — «в мире Он был, и мир через Него начал быть» [Ин. 1:10]. То есть весь мир начал быть из Богочеловека, «Который просвещает каждого человека, приходящего в мир» [Ин. 1:9]. Именно поэтому современный человек, верующий или не верующий, но живущий в тысячелетнем пространстве христианской ментальности, воспринимает себя *субъектом* как нечто само собой разумеющееся. И все это при том, что в природе, в космосе, во всем, что нас окружает, нет и не было никаких естественных оснований для появления *субъекта* и формирования *субъектного* мышления¹³.

Таким образом, *субъектное* мышление по своей сути исключительно *догматично* — то есть оно *утверждает* себя, но не *доказывает*. В его основании лежит Откровение трансцендентного абсолютного Бога, «творца неба и земли, всего видимого и невидимого».

Ислам с момента возникновения в VII в. также исповедует единого трансцендентного, абсолютного, но при этом *абстрактного* Бога, принципиально не соотносящегося с человеческой *личностью*, с *совокупным* или *индивидуальным* субъектом. Если в христианстве *личность* Иисуса *есть Слово Божье*, пришедшее воплощенным в этот мир, то в исламе, напротив, Богу догматически придан атрибут книги — Священного Корана. Следует подчеркнуть, что в мусульманстве Бог *не личность* и *не субъект*. При этом *Слово Божье есть Коран*, его текст и содержание.

Ислам отвергает идею онтологического преобразования человека через обретение им *личности* в Богочеловеке. Религиозная доктрина ислама, признавая и почитая пророков Ибрагима (Авраама), Якуба (Иакова), Мусу (Моисея), Дауда (Давида) вне контекста еврейской религиозной догматики, отрицает богоизбранность народа Израилева.

Ислам также признает событийную сторону предания о Христе как о реально существовавшем человеке, которого арабы звали Иса бен Мариам, но делает это вне его богочеловеческого смысла, отказывая христианству в реальности *Боговоплощения* Иисуса. Мусульманин не может себе представить, что у Господа Бога есть

¹³ См.: *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002. С. 83.

Сын, который равен Ему по величию и власти. Ислам не признает, что Иисус Христос, «явившееся во плоти Слово Божие», уже по рождению Своему выше самого Мухаммеда.

Все пророки пророчествовали по действию Самого Господа, по Его действию Свыше. Они пророчествовали от Самого Всемогущего и Вездесущего Бога, возвещали истину Самим Духом Божьим, будучи наставляемы Духом Господним Святым. Но по Корану, Мухаммед даже не был удостоен явления Бога, не общался с Создавшим мир Творцом Всемогущим, не говорил с Создателем вселенной. Вседержитель мира не являл Себя Сам как, например, Моисею. Вместо Бога Мухаммед общался с Джibriлом. Путь явления Джibriла, а не Самого Владыки мира назван «прямым путем». По Корану, нет более прямого пути, чем явление посланника-ангела вместо Самого Вечного, Вездесущего и Всемогущего, Безначального и Бесконечного Бога, Создавшего мир, Сотворившего человека и всех ангелов. Таким образом, догматика ислама подчеркивает возможность Мухаммеда как лучшего из людей лишь *передать* слово Божье, но не *воплотить* в себе самого Бога. Только в исламе и особенно в суннизме между человеком и Богом проведена практически непреодолимая граница¹⁴. Именно в этом проявляется фундаментальное отличие мусульманства, на основании которого в исламском менталитете сформировалось совершенно иное, несхожее с иудаизмом и христианством догматическое *бессубъектное* мышление. Из всех монотеистических менталитетов, — считает В.В. Можаровский, — ислам является абсолютно *бессубъектным*¹⁵.

Итак, ислам исключает любую реальную соотнесенность между человеком и Богом, предствленную как в богоизбранном *народе* Израиля, так и в *личности* христианина. В мусульманстве человек создан не по «образу и подобию Бога» [Быт. 1, 26], а по его собственному виду и образу [Коран 64:3; 82:6-8], и *субъектность* Бога не имеет смысла. Поэтому для правоверного характерен акцент в первую очередь на *ортопраксии*¹⁶, т.е. на строгой *дисциплине* каждодневного религиозного обряда. Так, в повседневной массовой и индивидуальной религиозной практике чрезвычайно важно выполнять жестко регламентированный свод обязательных нормативных действий, правил и ритуалов. Совершая молитвы, мусульманин ежедневно 34 раза опускается перед Аллахом на колени. Молитва в исламе — это *необходимость*, это предписанная к неукоснительному выполнению *норма и закон*. Перед каждым молитвенным часом мусульманин

¹⁴ Умнов А.Ю. Глубинные корни фундаментализма. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 89–103.

¹⁵ Можаровский В.В. Указ. соч. С. 199.

¹⁶ От греч. *orthos* и *praktikos* — «правильное делание», обрядность.

должен помыть по порядку кисти рук, рот, нос, лицо, руки до плеч, волосы, уши и ноги, чтобы чистым предстать перед Аллахом. Тот, кто нарушает порядок омовения, молится без пользы¹⁷.

Исламу, в отличие от христианства, не открыта истина в любви как одна из основ сущности сверхбытия Бога и важнейшего требования духовной жизни, так как в мусульманском богословии Аллаху не приписывается качество любви. Ислам не знает, что такое евхаристия¹⁸, спасающая человека божественной любовью¹⁹.

Поскольку совершенная вера выражается в любви не к Богу, а к шариату²⁰, то основной принцип в исламе — жизнь в законе и под законом, — веками формировал своеобразное обрядовое мышление. Правоверный мусульманин должен знать и соблюдать законы шариата — обязательные к неукоснительному исполнению нормы права, основными источниками которого являются Священное писание — Коран и Священное предание²¹. Как следствие ислам является по преимуществу религией общественной и политической²², но не напряженной духовной жизни человека. Для ислама всегда большее значение имело в первую очередь практическое *внешнее* поведение правоверных, чем их *внутренние* религиозные чувства, мысли и духовные переживания²³.

Здесь мы можем заметить, что в свое время большая часть монофизитов Египта или несториан²⁴ Сирии, которые отрицали реальное вочеловечение абсолютного Бога, влились в конечном счете в исламский мир. Они приняли догматику ислама, которая отстаивает как раз абсолютного трансцендентного Бога, отрицая какую-либо возможность его реального вочеловечения в конкретном *субъекте*. И наоборот, например, среди православных русских до последнего

¹⁷ Абд-Эль Маши. Почему мусульманину трудно стать христианином? URL: <http://mission-center.com/islams/abdel.htm>

¹⁸ Главнейшее в христианстве таинство, которое соединяет человека с Богом.

¹⁹ См.: Хвьяля-Олинтер А. Особенности радикальных направлений ислама // Материалы научного семинара. Вып. № 5. М., 2007. С. 83.

²⁰ От араб. *шариа*: правильный путь к цели. Шариат — совокупность правовых, морально-этических и религиозных норм ислама, охватывающая значительную часть жизни мусульманина и провозглашаемая в исламе как «вечное и неизменное» Божественное установление; одна из конфессиональных форм религиозного права.

²¹ Священное предание у *суннитов* — повествования о жизни пророка Мухаммеда; у *ишитов* — рассказы о жизни пророка и его двоюродного брата, зятя Аши. В суннизме традиция утверждает отсутствие посредников между Богом и человеком. В шиизме же та же традиция закрепляет роль посредника за духовенством.

²² См.: Зинченко М.С. Политизация ислама как фактор современного политического процесса (на материалах Северного Кавказа): Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Краснодар, 2010.

²³ См.: Хвьяля-Олинтер А. Указ. соч. С. 83.

²⁴ *Монофизиты* утверждали, что Христос был только Богом; *несториане* же утверждали, что Иисус был только человеком и не был Богом — и в том и в другом случае Бог исповедовался только трансцендентным, не воплощенным в человеке

времени практически отсутствовали прецеденты перехода в ислам как результат сознательного отказа от воплощенного в Христе высшего идеала человека.

Так как в исламе сама мысль о Богочеловеке воспринимается как недопустимая и страшная ересь, секуляризм и атеизм в широких кругах мусульманских масс невозможен в принципе. Если он и существует, то в весьма узкой среде мусульманских политических, интеллектуальных и финансовых элит как результат их вестернизации и либерализации при активном прозелитизме западных партнеров²⁵. Кроме того, в мусульманстве до сих пор сохраняется императивное толкование выхода из ислама исключительно в криминальном контексте как одно из тяжких преступлений²⁶, которое должно караться смертью. «Мусульманин, родившийся в правоверии, если оставит оное, подвергается смертной казни, и убить его предоставляется на волю каждого»²⁷. В этом контексте утопическими выглядят утверждения руководителя Центра методологии и информации Института динамического консерватизма А.И. Фурсова о возможности и необходимости цивилизационной перекодировки ислама²⁸.

Между тем в отличие от мусульманства, в христианской Европе через протестантизм в эпоху *modernity* возник секулярный догмат Человекобога с концепцией гуманизма как *религии человекобожия*²⁹. Следствием такой кардинальной инверсии явились антропоцентризм и атеизм, поразившие евроатлантическую цивилизацию с ее различными проявлениями безбожия и политеизма, которые паразитируют на христианской религиозной традиции.

В заключение отметим, что религиозная *вера* в исламе, будучи, как и в любом монотеизме, феноменом *сверхсознания*³⁰, выступает для мусульман как ценность высшего порядка. Эта *вера*, будучи веками неизменной, выражена *понятием догмата* и является базовой системой *априорного* знания об основах мироздания и смысле человеческого существования.

Монотеизм ислама, догматически отвергая *личностные* и *субъектные* установки иудаизма и христианства как наделенные особым

²⁵ См.: Умнов А.Ю. Модернизм и фундаментализм. Исламская цивилизация в глобализирующемся мире. М., 2011. С. 103–110.

²⁶ См.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация // Материалы научного семинара. Вып. № 5. М., 2007. С. 47.

²⁷ Изложение начал мусульманского законовещения. М., 1991. С. 470.

²⁸ См.: Фурсов А. Конец постсоветской эпохи. URL: // <http://oko-planet.su/politik/politikmir/99505-andrey-fursov-konec-postsovetskoy-epohi.html>

²⁹ См.: Перевезенцев С.В. Русский выбор: очерки национального самосознания. М., 2007. С. 318.

³⁰ См.: Ракитянский Н.М. Догматические основания англо-американской ментальной экспансии (психолого-политический анализ) // Актуальные проблемы современной политической психологии. М., 2010. С. 89–110.

смыслом и реальной значимостью, сам по себе принципиально *бес-субъектен*. Неудивительно, что маленький, но *суперсубъектный* Израиль со своими англо-американскими союзниками успешно противостоит огромному, как океан, но аморфному, разобщенному, внутренне конфликтному и главное — *бессубъектному* исламскому окружению.

Предмет веры в исламе также конкретно не представлен в каком-либо *субъекте*, что определяет фундаментальные догматические и ментальные различия с иудаизмом и христианством.

Исламский менталитет в контексте принципа субъектности

Мир Ислама не породил универсальных гениев, он не дал и не мог дать человечеству «вождей на пути к совершенству»... Основная ограниченность в мирозерцании Мухаммеда и в основанной им религии это отсутствие идеала человеческого совершенства или совершенного соединения человека с Богом, идеала истинной богочеловечности.

В.С. Соловьев

Истоки принципа субъектности восходят к античной философии. Сократ был первым, кто сформулировал основную установку *принципа субъектности* — нацеленность человеческого бытия на самого себя. В формуле «Познай самого себя, и ты познаешь весь мир» заложено понимание субъектности как самосознания, которое в учении Сократа выступает как стержень личностного сознания и поведения.

Принцип субъектности в том или ином виде развивался в трудах Платона, Аристотеля, Сенеки и других античных авторов. И только в христианском мировоззрении он получает принципиально новое выражение и воплощение. Здесь он связан с идеей создания, сотворения — *creatio*. Если для языческого античного мира и более поздних политеистических религиозных верований идея творения как рождение качественно нового созидательного содержания бессмысленна, то в христианском мировоззрении она главенствует.

В христианском менталитете мир представлен как результат уникального акта творения по воле Творца, который создает «из ничего» не только законы природы, но и сам субстрат, материю. Мир существует не сам по себе, а по причине его созданныости. Христианство придает человеку не только особый, но и высший статус по отношению к окружающему природному миру. Этот статус связан с пониманием сущности человека как «образа и подобия Бога». В связи с этим божественный волевой акт творения оказалось возможным и необходимым спроецировать на человека как на «образ и подобие

Бога», в результате чего человек предстает как потенциальный и реальный обладатель творческой *воли*³¹.

Впервые в истории человечества христианство утвердило идею об особом достоинстве каждого человека как *личности*. В отличие от ислама христианство утверждает возможность и необходимость духовной связи каждого человека с Богом. Благая весть, которую принес людям Христос, — это весть о спасении людей от смерти, о приобщении их к духовной жизни в «Царствии Божьем». Духовная связь — *religare* — между Богом и человеком мыслится в христианстве возможной лишь потому, что Бог и человек рассматриваются как *личности*.

Именно *личность* есть образ Божий в человеке и, следовательно, в человеке есть божественное начало, и это начало не только *природная* сила, но и *внеприродная* способность стать личностью. В православной антропологии личность — это степень приближения человека к Богу. Как пишет В. Лосский, человек, как и Бог, существо личное³². В христианском мировоззрении впервые в истории конкретная личность стала считаться выше природы, она становится богоподобным *субъектом*.

С идеей личности как «подобия Божия» связано понимание человека как трансцендирующего существа. Это значит, что личность трактуется как *субъект* творчества, который определяет себя через созданный им самим смысловой, *субъектный* мир. Этот божественный дар выводит человека за пределы естественной необходимости, ведь человек «призывается быть сотворцом, соучастником Бога. Он как бы становится его подобием на земле»³³. Значит, обретя «подобие Божие», человек тем самым приобретает способность быть *субъектом* творения, выступать в качестве полагающего начала, реализовывать свои богоподобные креативные способности.

Принцип субъектности был радикально редуцирован в эпоху Реформации. Так, протестанты, отвергнув догмат о спасающей роли церкви, разорвали соборное, коллективное сознание человека, акцентировали все усилия на его индивидуальном «спасении», направили всю энергию на субъектную, креативную самореализацию в экономической, социальной, научной, политической и иных сферах земной жизни. Именно для протестантского менталитета, который стал ядром и эталоном современной евроатлантической цивилизации, сам *индивид* — последняя и высшая инстанция. Таким образом,

³¹ См.: *Перевозчикова Л.С.* Становление субъектности как основополагающего принципа западноевропейского гуманизма // Вестн. ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 3. С. 253–262.

³² См.: *Лосский В.* Очерк мистического богословия Восточной церкви. М., 1991.

³³ *Пико делла Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека // Антология философии Средних веков и эпохи Возрождения. М., 2001. С. 13–17.

протестантизм открыл себе путь для безудержной *субъектной экспансии*³⁴ в геополитическом пространстве новейшей истории.

В современной психологии понятия «субъект» и «субъектность» связаны с пониманием человека как основанием самого себя, с *самодетерминацией*³⁵. В онтогенетическом плане субъект — это человек, являющийся основанием собственного становления и развития — личностного *самосотворения*. В научной психологии одной из базовых способностей субъекта деятельности признается способность к *рефлексии*. Психологическим содержанием рефлексии является способность делать предмет прогнозирования и проектирования свое будущее и практически его осуществлять. Эта способность включает в себя возможность анализировать свое прошлое как историю своего развития, на основании этого анализа оценивать свое настоящее и *проектировать* свое будущее, создавать социальную среду и политические средства своего развития, практически осуществлять переход из своего прошлого в свое будущее.

В монотеизме ислама сочетание, с одной стороны, абсолютной *догматичности* и, с другой стороны, абсолютной *бессубъектности* определило собой то обстоятельство, что в исламском менталитете исторически не получило развитие *самодетерминирующее* индивидуальное *субъектное* начало³⁶. Исламское общество веками отдавало предпочтение не *личному* развитию человека, а *интересам* общины. Мусульманин, в отличие от европейского секуляризованного буржуазного индивидуалиста, всегда должен ощущать свою принадлежность к «умме» — всемирному сообществу единоверцев. Не случайно значения ислама в арабском языке — «предание себя», «отдача», «покорность». Г.И. Мирский пишет о том, что ислам — это больше, чем религия, это также сильнейший фактор идентичности и цивилизационной солидарности³⁷.

Ислам никогда не рассматривал человека как *личность* в иудейском *корпоративно-национальном* или христианском *индивидуальном* понимании. Более того, Абд-Эль Маши считает, что обычный мусульманин не осознает себя как самостоятельное «Я», он живет в сознании «Мы» своего рода, им руководит дух коллективной одержимости. По понятиям мусульман, Аллах так велик, что он один определяет судьбы всех людей. Счастье, катастрофа, смерть, несчастье и неудача — все приписывается воле Аллаха. Фатализм как вера в predetermined, неотвратимую судьбу глубоко коренится в исламе и сковывает творческую активность правоверных³⁸. По мнению

³⁴ См.: *Можаровский В.В.* Указ. соч. С. 167–191.

³⁵ См.: *Фром Э.* Бегство от свободы. М., 1990.

³⁶ См.: *Можаровский В.В.* Указ. соч. С. 200.

³⁷ См.: *Мирский Г.И.* Указ. соч.

³⁸ См.: *Абд-Эль Маши.* Почему мусульманину трудно стать христианином?

Л.С. Васильева, мусульмане были более склонны, не вдаваясь в глубины интеллектуальных поисков, ориентироваться главным образом на жесткую религиозную догму ислама, на сформулированные им принципы жизни³⁹. Собственно поэтому в отличие от других монотеистических менталитетов ислам лично *не интенсивен*. Он не обладает необходимыми ментально-догматическими основаниями к напряженной, *индивидуальной мобилизационно-креативной*, высокопродуктивной научно-технической, информационной, финансовой, культурной и ко всем подобным видам *субъектной экспансии*.

Абд-Эль Маши пишет о том, что в системе исламского образования на первом плане стоит не активное мышление, понимание и ответственное участие, а пассивное восприятие и послушное усвоение. Эта особенность обусловлена иррациональной, сверхсознательной ментально-догматической установкой ислама — Аллах за всех думает и за всех решает. При этом мусульманин не имеет права критически относиться к Священному Корану, он должен пассивно усваивать его, по возможности заучивать наизусть и интуитивно, наполнившись исламским духом, жить и думать в соответствии с воспринятым. Кто из христиан знает наизусть хотя бы одно Евангелие? А среди мусульман немало таких, кто знает наизусть весь Коран или хотя бы значительные его части⁴⁰.

Ментальные установки, сформированные религиозными догматами ислама, в значительной мере определяют важнейшие психологические особенности мусульман. Современному миру не известны имена выдающихся математиков, физиков, биологов, философов, финансистов, художников и т.д. — представителей исламского сообщества. Особенности исламского мышления проявляются, например, и в таких фактах: среди ученых в мире всего 1% мусульман. В одном Израиле больше ученых, чем во всем мусульманском мире.

В арабских странах ежегодно переводится около 330 иностранных книг — в пять раз меньше, чем в одной маленькой Греции. Исламские страны в среднем тратят 0,3% валового национального продукта на научные исследования — в 8 раз меньше среднемирового значения⁴¹. По данным Международного банка, общий экспорт арабских стран, если исключить из него нефть и газ, уступает экспорту Финляндии. В этой связи интересно заметить, что, например, основоположниками современной арабской прессы, в частности каирской газеты «Аль-Ахрам», которая впоследствии стала веду-

³⁹ См.: Васильев Л.С. История Востока. М., 2005. С. 185.

⁴⁰ См.: Абд-Эль Маши. Указ. соч.

⁴¹ Lewis B. The Crisis of Islam. L., 2003. P. 88, 89; A Survey of Islam and the West // The Economist. 13.09.2003. P. 6.

щей газетой всего арабского мира, были сирийские и ливанские *христиане*⁴².

Проблема *субъекта* в исламе обнаруживается и в том, что в отличие от иудаизма и христианства в нем отсутствует единая иерархическая структура, четко сформулированная система догматов, ясные стратегические распоряжения основателя вероучения. Ислам порождает внутри себя многочисленные, но по статусу равноправные течения и группы. Так, по данным А.А. Игнатенко, только в России зарегистрировано примерно четыре десятка духовных управлений мусульман. Бесперспективны, по мнению специалистов, и попытки исследователей найти некий общий знаменатель всех исламских направлений⁴³. Отсутствуют и объективные сравнительные критерии истинности между теми или иными исламскими течениями⁴⁴.

Вопрос *субъектности* иллюстрируется также и словами Л.Р. Сюкияйнена о том, что позитивный созидательный потенциал ислама в социальной, духовно-культурной, образовательной и политической жизни России реализуется слабо и оказывает совершенно недостаточное влияние на процесс поступательного общественного развития и укрепления демократических правовых основ российской государственности⁴⁵.

Президент Центра стратегических исследований Ш.З. Султанов в статье с характерным названием «Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса» говорит об исламском мире как об *эфемерном субъекте* мировой политики: «в настоящее время исламский мир не является на глобальной арене каким-либо единым политическим субъектом со своей долгосрочной стратегией и согласованными механизмами ее реализации»⁴⁶.

Тем не менее Г.И. Мирский считает ислам самой сильной религией в сегодняшнем мире по степени его укорененности в умах и душах людей⁴⁷. Эта укорененность, а также ментально-догматическое единство и цивилизационная солидарность исламского мира содержит в себе энергию непримиримого отрицания западного либерализма, рационализма, индивидуализма и секуляризма. «Ислам нетерпим... — отмечает Л.С. Васильев, правоверные всегда отчетливо ощущают свое превосходство над неверными... Впитанное веками

⁴² См.: Мирский Г.И. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // Мировая экономика и международные отношения. 2008. № 8. С. 89–103.

⁴³ См.: Игнатенко А. «Исламский» — что это значит? // «НГ-сценарии». 1997. № 6.

⁴⁴ См.: Хвьяля-Олинтер А. Указ. соч. С. 87.

⁴⁵ См.: Сюкияйнен Л.Р. Указ. соч. С. 38.

⁴⁶ Султанов Ш.З. Глобальный исламский субъект. Перспективы его формирования в условиях мирового системного кризиса. URL: // <http://www.politjournal.ru/preview.php?action=Articles&dirid=67&tek=8820&issue=231>

⁴⁷ См.: Мирский Г.И. Исламский мир.

и опирающееся на всю толщу религиозно-культурной традиции такого рода высокомерное чувство превосходства и нетерпимости к неверным — одна из важнейших и наиболее значимых характерных черт ислама»⁴⁸.

Подводя итог анализу исламского менталитета в контексте принципа субъектности, представляется возможным сделать вывод о том, что ислам не предполагает напряженную конкурентно-креативную деятельность *индивидуального*, как, например, в протестантизме, *субъекта*, раскрытие и интенсивную реализацию его *личностных* интенций, способностей и возможностей. В этом *субъектном* смысле ислам есть максимально *инертный* из всех догматических менталитетов и *a priori* не может составить реальную *качественную* конкуренцию ни иудейскому, ни христианскому политическим субъектам по всем аспектам стратегического взаимодействия в политике, экономике и военно-технической и иной сфере.

Казалось бы, весь исламский мир, Индия, Китай и тропическая Африка, составляющие абсолютное большинство человечества, должны представлять собой ментально главенствующую основу мирового сообщества. Однако в этом аспекте о них даже не идет и речи, несмотря на очевидные успехи того же языческого Китая, лидерские и гегемонистские потенции которого сильно преувеличены.

Реальными господами современного глобального мира выступают только ментально структурированные и малочисленные *субъектные* политические образования, опирающиеся на основы западно-христианского ментально-догматического мышления⁴⁹.

В то же время ислам, несмотря на известные социальные и экономические проблемы, в наибольшей мере способен к осуществлению *экстенсивной* (массовой, расширительной, *количественной*, политической) экспансии таранного типа в глобальном масштабе. Сочетание абсолютной *догматичности*, которая имеет *аффективный*, *страстный*, *нетерпимый*, *жертвенный* характер, и абсолютной *бессубъектности* делает ислам в наступающей эпохе «религиозных масс» энергетически напряженным, пассионарным менталитетом. В своей «Истории западной философии» Б. Рассел писал о том, что догматические установки, связанные «с самыми утонченными и трудными для понимания теологическими вопросами» религиозных масс, с давних времен имели огромное политическое значение⁵⁰.

Возможно, XXI в. как продолжение эпохи либерализации, секуляризации и кризиса евроатлантической цивилизации станет очередной эпохой пассионарного взрыва ислама и его *экстенсивной* геополитической гегемонии.

Проблемы, основания и возможности политического взаимодействия с исламом

... религия Мухаммеда еще имеет будущность; она еще будет если не развиваться, то распространяться. Постоянные успехи Ислама среди народов мало восприимчивых к христианству в Индии, Китае, Средней Африке, показывают, что духовное молоко Корана еще нужно для человечества.

В.С. Соловьев

Лавинообразный демографический рост, массовые формы политической активности, проявления религиозного экстремизма и фанатизма будут только нарастать. В последние годы более частыми становятся эксцессы террористически-суицидальной практики. Все эти процессы сопровождаются тотальным неприятием антропоцентрических установок Запада абсолютным большинством монотеистического мусульманского мира.

Проблемы исламской экспансии для христианской/постхристианской Европы — Франции, Великобритании, Германии, Италии, Испании и т.д. — также будут усугубляться. И никто в этих странах не знает, что со всем этим делать. Активно исламизируется и набирает политический вес и военную мощь Турция. Мобилизует свой потенциал противостояния с Западом Исламская Республика Иран. Постепенно складывается ситуация, когда Запад с его *субъектностью*, креативностью, рационализмом, прагматизмом и вместе с тем неадекватным «качеством» понимания ислама в недалеком историческом будущем рискует стать жертвой его нарастающего «количества».

Лидеры исламского мира уже вполне открыто заявляют о том, что «исламское возрождение не может быть начато без религиозной, а успешно продолжено и завершено — без политической революции». Такая установка провозглашается для того, чтобы сделать всю планету населенной только правоверными мусульманами⁵¹.

Ш. Султанов считает, что усиление ислама уже не остановить. По его мнению, глобальный кризис вызвал ускорение процесса «ревитализации» — возрождения и актуализации глубинных исламских ценностей и принципов, все более жесткого отказа от западного рационализма и секуляризма. В среде интеллектуальных и религиозных элит исламского мира идет процесс маргинализации либеральных, социалистических и иных устремлений, активизируется стремление к долгосрочному религиозному самоопределению мусульманского сообщества. В расширяющейся фундаменталистской среде усиливается процесс все более жесткого противопоставления

⁴⁸ См.: Васильев Л.С. Указ. соч. С. 187.

⁴⁹ Можаровский В.В. Указ. соч. С. 165.

⁵⁰ Рассел Б. История западной философии. М., 1993.

⁵¹ См.: Орлов И.Б. Глобализация и/или исламизация // Материалы научного семинара. Вып. № 5. М., 2007. С. 75.

мусульманской системы ценностей деградирующей антропоцентрической западной нравственности.

Но реальность такова, что усиление ислама, его качество самой пассионарной и массовой религии не дадут ему возможность осуществить политическое доминирование на планете по причине его особого *субъектного* статуса. В современном глобальном мире ислам не в состоянии креативно осуществлять *субъектную* экспансию по *интенсивному* информационно-политическому, научно-техническому, экономическому и военному типу.

В исламе нет ментально-догматических оснований и для формирования *субъектного* гражданского общества в его либерально-индивидуалистическом понимании. Нет и реальных оснований для формирования политической системы по западному образцу. Ни одно мусульманское государство до сих пор не развивалось по этому пути. Однако расширяющийся исламский более чем миллиардный мир в XXI в. рано или поздно потребует от Запада отказа от его ценностных претензий к нему. Претензий, которые предъявляются исламу в качестве безусловных и обязательных для исполнения истин, имеющих по сути протестантский, догматически обусловленный характер.

В отношениях с исламом западные субъекты политики сохраняют бескомпромиссную установку на безусловность и тотальность своих *субъектных* либеральных ценностей. При этом сохраняется устойчивая иллюзия возможности ментальной трансформации ислама. Это заблуждение обусловлено двумя важными моментами. Во-первых, стратегии мышления операторов власти англо-саксонского мира опираются на отличные от ислама ментально-догматические основания. Во-вторых, они не рефлексируют свои мессианские либерально-догматические установки, считая их вполне естественными и универсальными. Именно поэтому для современной глобальной политики, определяемой евроатлантическим гегемоном, который сейчас больше американо-атлантический, чем европейский, характерны неадекватные представления о якобы нарастающей *иррациональности* политических процессов в мире ислама.

Проблема взаимного непонимания Запада и исламского Востока усугубляется еще и тем, что в мусульманском мире также усиливаются оценки западной политики как иррациональной.

Для преодоления проблемы мнимой *иррациональности* субъектам англо-американской ментальной экспансии предстоит выработать *рефлексивный* подход к своим реальным политическим возможностям во взаимодействии с исламом. Политическая рефлексия предполагает переосмысление глубинных ментальных установок как своего политического мышления, так и особенностей мышления различных мусульманских сообществ.

Но осуществить выход за пределы догматических установок мышления на новый уровень рефлексии для каждой из сторон чрезвычайно сложно, так как принятые ими сотни и сотни лет назад религиозно-догматические системы сформировали жесткие и *неосознаваемые* структуры массовой веры как *сверхсознательного* феномена, который и является основой менталитета. При этом необходимо учитывать, что основой любой ментальной системы является догмат, который, по А.Ф. Лосеву, «есть утвержденность вечных истин». И ни одна из сторон от своих вечных истин не намерена отказываться, так как это будет совершенно недопустимый отказ от онтологической идентичности.

Ментально-догматические установки определяют кардинальные ментально-психологические и в итоге политические отличия трех глобальных миров. Это — мир ислама, мир христианского Запада и мир православного христианства. Все они длительное историческое время развивались в русле монотеистического закона. Каждый из этих миров отстаивает неизменные системы ценностей и по-своему выражает цивилизационно-политические ориентации. Внутри каждого из этих миров относительно автономно, обособленно и весьма успешно в течение двух тысячелетий существует мир иудаизма, главным покровителем и союзником которого является протестантская англо-американская коалиция.

Наиболее слабой в системе этих миров является *постправославная* и *постсоветская* Россия, правящие элиты которой, как минимум, дважды радикально отказывались от ментально-догматических оснований своей политической *субъектности*.

Первый *отказ* от *субъектности* проявился в разрушении православного догматического исповедания как ментального основания русской цивилизации. Этот ментальный распад, длившийся около двух столетий, в итоге привел к деструкции тысячелетней русской государственности и всего общества, его институтов, культуры, идентичности. Результатом была трагедия 1917 г., Гражданская война и уничтожение православия как системообразующего компонента Российского государства.

Второй отказ, но уже от догматического атеизма, был осуществлен партийно-номенклатурными элитами постправославного Советского Союза с *делегированием* политической *субъектности* лидерам протестантского Запада. Атеистические правители СССР были не в состоянии предложить людям трансцендентальные и вечные ментальные основания общественного и политического развития, сформировать духовный иммунитет у советского народа против «растлевающего влияния Запада», его «идеологической диверсии» и «психологической войны» как форм ментально-догматической

экспансии. К началу «перестройки» большинство населения Советского Союза было заражено мещанско-индивидуалистическими и инфантильно-потребительскими установками. *Постправославная и постсоветская* Россия под водительством «маньяков демократии» и идолов либерализма, не приобретя внятных догматических оснований политики, продолжает ментально деградировать. Этот процесс более четверти века идет под аккомпанемент бесплодных разговоров о поиске «национальной идеи», обретения «общечеловеческих ценностей», развитии демократии, гражданского общества и проч.

А.И. Юрьев и В.В. Можаровский справедливо полагают, что система власти в мире, во всех странах становится все менее и менее эффективной, потому что учитывает весьма узкий спектр мотивов политического поведения. Так, до сих пор преобладает подход, при котором глубинные ментально-догматические и религиозные установки больших масс людей в системе политологического знания не изучаются и как следствие игнорируются⁵².

Вместо заключения

Государи или республики, желающие остаться неразвращенными, должны, прежде всего, уберечь от порчи обряды своей религии и непрестанно поддерживать к ним благоговение, ибо не может быть более очевидного признака гибели страны, нежели явное пренебрежение божественным культом.

Н. Макиавелли

Разрешение фундаментальных противоречий цивилизаций не может быть достигнуто в рамках западного постхристианского догматического *субъектного* мышления с предоставлением исламу тех или иных преференций и выгод от торговли научными разработками и технологиями, оружием, взаимодействия с ним на основе либеральных, по сути секулярных ценностей, правовых норм и т.п. В стратегическом взаимодействии с ним могут эффективно работать совершенно иные законы и мотивации. Только перевод диалога в русло монотеизма, опора на его ценности и законы могут быть положительно восприняты внутри ислама и быть действенными и продуктивными в долгосрочной перспективе.

Основанием, возможностью и, наконец, реальным полем, на котором России в течение тысячелетия удавалось бесконфликтное существование с исламским миром, является монотеизм. В условиях глобализации, мирового кризиса и очевидного усиления ислама, для снятия потенциальной опасности в отношениях с ним России вновь необходимо во всех ключевых вопросах внутренней и внешней по-

литики опираться на монотеистические православные основания, которые для ислама исторически естественны, психологически приемлемы и абсолютно правомерны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абд-Эль Машхи*. Почему мусульманину трудно стать христианином? URL: // <http://mission-center.com/islams/abdel.htm> [*Abd-Ehl' Mashi*. Pochemu musul'maninu trudno stat' khristianinom? URL: <http://mission-center.com/islams/abdel.htm>]
2. *Мирский Г.И.* Ислам: история и современность. 2010. URL: // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf [*Mirskij G.I.* Islam: istorija i sovremennost'. 2010. URL: // http://www.hist.msu.ru/Journals/NNI/pdfs/Mirskij_2010.pdf]
3. *Мирский Г.И.* Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 8. [*Mirskij G.I.* Islamskij mir: «otstajushchee razvitie» i musul'manskij radikalizm // *Mirovaja ehkonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2008. N 8]
4. *Можаровский В.В.* Критика догматического мышления и анализ религиозно-ментальных оснований политики. СПб., 2002. [*Mozharovskij V.V.* Kritika dogmaticheskogo myshlenija i analiz religiozno-mental'nykh osnovanij politiki. SPb., 2002]
5. *Ракитянский Н.М.* Понятия сознания и менталитета в контексте политической психологии // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки*. 2011. № 6. [*Rakitjanskij N.M.* Ponjatija soznaniya i mentaliteta v kontekste politicheskoy psikhologii // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskie nauki*. 2011. N 6]
6. *Сюкияйнен Л.Р.* Мусульманский опыт миростроительства: базовые цели и ценности, формы познания и социокультурной организации. Исторический опыт и российская ситуация // *Материалы научного семинара*. Вып. № 5. М., 2007. [*Sjukijajnen L.R.* Musul'manskij opyt mirostroitel'stva: bazovye celi i cennosti, formu poznanija i sociokul'turnoj organizacii. Istoricheskij opyt i rossijskaja situacija // *Materialy nauchnogo seminarara*. Vyp. N 5. M., 2007]
7. *Умнов А.Ю.* Глубинные корни фундаментализма. Исламский мир: «отстающее развитие» и мусульманский радикализм // *Мировая экономика и международные отношения*. 2008. № 8. [*Umnov A.Ju.* Glubinnie korni fundamentalizma. Islamskij mir: «otstajushchee razvitie» i musul'manskij radikalizm // *Mirovaja ehkonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. 2008. N 8]
8. *Хвыля-Олинтер А.* Особенности радикальных направлений ислама // *Материалы научного семинара*. Вып. № 5. М., 2007. [*Khvylja-Olinter A.* Osobennosti radikal'nykh napravlenij islama // *Materialy nauchnogo seminarara*. Vyp. N 5. M., 2007]

⁵² См.: *Можаровский В.В.* Указ. соч. С. 5–9, 222–231.

Thank you for evaluating AnyBizSoft PDF Splitter.

A watermark is added at the end of each output PDF file.

To remove the watermark, you need to purchase the software from

<http://www.anypdftools.com/buy/buy-pdf-splitter.html>